

Мэн Яньчжан некоторое время смотрел на его длинные ноги, а затем похвалил:

— Гибкость у тебя отличная.

— Ну, так себе, едва могу сесть на шпагат.

С этими словами Дуань Цзянцю прямо на месте продемонстрировал шпагат, отчего Мэн Яньчжан удивлённо расширил глаза.

— Видимо, я ещё не совсем потерял форму.

Дуань Цзянцю уже собирался подняться, как вдруг вскрикнул:

— Ой!

И помахал Мэн Яньчжану:

— Быстрее... помоги мне...

Мэн Яньчжан подумал, что тот потянул спину, и, забыв о еде на плите, поспешил подойти, обхватил Дуань Цзянцю за талию и помог ему подняться.

— Как ты? Нужно ли в больницу?

Мэн Яньчжан нахмурился, спрашивая, совершенно не замечая, как его голос выдавал беспокойство и тревогу.

Дуань Цзянцю, опираясь на его плечо, вдыхал аромат гардении, исходящий от Мэн Яньчжана. Его разум на мгновение потерял контроль, и он захотел обнять Мэн Яньчжана, поцеловать его, обладать им.

— Я пошутил.

Дуань Цзянцю отступил на шаг, выпрямился и с улыбкой на лице произнёс:

— Ты правда поверил?

Сердце Мэн Яньчжана, только что замершее в тревоге, тут же успокоилось, но затем опустилось ещё ниже. Сдерживая раздражение, он сухо ответил:

— О, ладно, ничего страшного.

Мэн Яньчжан вернулся на кухню, выключил плиту и выложил блюдо на тарелку.

Глядя на его холодный профиль, Дуань Цзянцю вдруг почувствовал себя словно онемевшим, не зная, что сказать. Он всего лишь пошутил, неужели Мэн Яньчжан не может воспринять даже такую безобидную шутку?

Простояв на месте около двух минут, Дуань Цзянцю подошёл ближе:

— Ты обиделся?

— Я пошутил...

Мэн Яньчжан аккуратно разложил блюдо и передал его Дуань Цзянцю:

— Пожалуйста, отнеси это на стол.

Дуань Цзянцю сомнительно посмотрел на него, но Мэн Яньчжан вдруг улыбнулся:

— Я не обиделся, это не стоит того.

Действительно, это не стоило того. Дуань Цзянцю был его спонсором, и независимо от того, спал ли он с ним, его ресурсы действительно были предоставлены Дуань Цзянцю. Пока он хотел продолжать свою карьеру, он не мог позволить себе злиться на него.

— О.

Дуань Цзянцю не мог понять, что именно было не так, но в воздухе витала атмосфера, которая ему крайне не нравилась. Он взял тарелку и поставил её на стол.

Он точно знал, что Мэн Яньчжан был гетеросексуалом. На что он мог надеяться?

Ночью шёл сильный дождь, и Дуань Цзянцю ворочался, не в силах уснуть. Около трёх часов утра он сбросил одеяло, подогрел себе стакан молока, но, выпив его, так и не почувствовал сонливости.

За окном барабанил дождь, капли стучали по подоконнику и листьям, создавая шум, который мешал уснуть.

Снова дождливая ночь. Влажный воздух доставлял Дуань Цзянцю дискомфорт, и ему даже показалось, что его постельное бельё стало сырым.

— Гррром...

Молнии, казалось, прорывались сквозь стены дома, готовые ударить прямо в человека.

Руки и ноги Дуань Цзянцю были ледяными, ладони покрылись холодным потом. Он стоял у окна, глядя на темноту за ним, где бушевал ветер, сверкали молнии и гремел гром.

Простояв так около получаса, он вдруг повернулся, взял скрипку, открыл стеклянную дверь и вышел на балкон.

Ветер опрокинул вазу и стул в комнате, страницы книг на столе разлетелись.

Шторы хлопали на ветру, но Дуань Цзянцю не обращал на это внимания. Он стоял под дождём, позволяя воде омыwać его тело, поднял скрипку к плечу, и, как только смычок коснулся струн, раздалась страстная мелодия.

Мэн Яньчжан спал крепким сном, когда его разбудила громкая музыка. Неизвестно откуда доносились энергичные звуки скрипки.

Он поднял руку к глазам, голова была слегка тяжёлой. Включив свет, он почувствовал, как яркий свет проникает сквозь пальцы.

Мелодия становилась всё громче, словно доносилась из соседней комнаты, сопровождаемая звуками разбивающегося стекла.

Сосед?!

Мэн Яньчжан резко вскочил и бросился в соседнюю комнату. Дверь Дуань Цзянцю была заперта, и, как бы он ни стучал, никто не отвечал.

Музыка не прекращалась, смешиваясь со звуками разбитого стекла и фарфора.

Сжав кулаки, он вернулся в свою комнату, открыл стеклянную дверь и выбежал под дождь. С балкона он ясно увидел Дуань Цзянцю, стоящего под дождём с закрытыми глазами, увлечённо играющего на скрипке.

Мэн Яньчжан не стал наслаждаться прекрасной музыкой. В небе снова прогремел гром, и его сердце содрогнулось. Он подбежал к краю балкона и крикнул в сторону Дуань Цзянцю:

— Ты что, жизни не дорожишь?!

Дуань Цзянцю не обратил на него внимания. Возможно, звуки дождя заглушили голос Мэн Яньчжана, или же он был слишком поглощён игрой и не услышал его. А может быть, он просто не хотел отвечать.

Под дождём Дуань Цзянцю был полностью промокшим. Его чёрные волосы прилипли к бледной коже, капли дождя висели на ресницах. Его кожа была белой, как привидение, и только губы были ярко-красными, словно окрашенные кровью.

Холодный дождь заставил Мэн Яньчжана содрогнуться. Он не мог понять, зачем Дуань Цзянцю среди ночи полез на балкон под дождь, чтобы играть на скрипке. Разве ему не холодно? Его тело ещё не заоченело, и пальцы ловко двигались по струнам.

В этот момент музыка проникла в его уши, и Мэн Яньчжан, глядя на Дуань Цзянцю, словно замороженный, не мог оторвать взгляда.

Он не разбирался в музыке, но в этой страстной мелодии он услышал глубокую печаль. Это чувство, словно морская вода в ночи, поглотило его, заставляя задыхаться.

— Гррром!

Вспышка молнии вернула Мэн Яньчжана в реальность. Он в ужасе широко раскрыл глаза, пытаясь крикнуть Дуань Цзянцю, чтобы тот зашёл в дом.

Но всё вокруг словно замедлилось. В свете молнии он ясно увидел, как Дуань Цзянцю открыл глаза и посмотрел на него. Его глаза были подобны подземной реке, без единого проблеска света.

Он открыл рот, застыв на месте.

Дуань Цзянцю вдруг улыбнулся ему — яркой, захватывающей улыбкой, словно роза, политая кровью.

— Красиво?

Его голос был подобен призраку, отчего по коже Мэн Яньчжана пробежали мурашки.

«Сумасшедший», — подумал он.

Губы Мэн Яньчжана шевельнулись:

— Красиво.

— Тридцать девять и два, нужно в больницу.

Мэн Яньчжан показал градусник Дуань Цзянцю.

Дуань Цзянцю лежал, укутанный в одеяло, с нездоровым румянцем на лице. Его голос был хриплым:

— Не пойду.

— Если температура поднимется ещё выше, ты сойдёшь с ума.

Мэн Яньчжан уже собирался одеть его, чтобы отвезти в больницу.

— Не пойду.

Дуань Цзянцю отдернул руку и завернулся в одеяло.

Мэн Яньчжан сжал кулаки, сдерживая желание разозлиться, и напомнил себе: «Не злись, он платит».

— Почему не хочешь?

Мэн Яньчжан несколько раз пытался вытащить Дуань Цзянцю из-под одеяла, но безуспешно. Вытирая пот со лба, он спросил.

Из-под одеяла донёсся глухой голос:

— В больнице грязно.

Мэн Яньчжан: ...

Ну, конечно, это просто капризы богатого парня.

Мэн Яньчжан вздохнул и тихо вышел из гостевой комнаты. Это была другая комната, а в комнате Дуань Цзянцю всё ещё был беспорядок, который не успели убрать.

Если бы Дуань Цзянцю не устроил вчера ночью этот безумный перформанс под дождём, всё было бы иначе.

Услышав лёгкий звук закрывающейся двери, Дуань Цзянцю высунул голову из-под одеяла. Из-за температуры его глаза были влажными и горячими, уголки покраснели, что делало его одновременно красивым, жалким и притягательным.

Вчера он не специально пошёл под дождь, просто не смог сдержаться.

Эмоции, подавляемые с момента перерождения, столкнулись с дождливой ночью, напомнив ему о неприятных вещах, и он потерял контроль.

Ночь, когда лил сильный дождь, окно, намеренно оставленное открытым, вещи в комнате, разбросанные в беспорядке, и тот леденящий дождь, который преследовал его, словно призраки.

Он закрыл глаза, скрывая мрак в своих глазах.

Наверное, Мэн Яньчжан больше не захочет иметь дела с этим сумасшедшим.

Дуань Цзянцю свернулся калачиком, спрятав голову под одеялом, с мыслью, что, возможно, ему не стоило оставаться. Ведь он мог просто заплатить, не появляясь лично, и добиться того же результата. Не было необходимости доводить всё до такого состояния.

Всё это было лишь его эгоистичным желанием увидеть Мэн Яньчжана хотя бы несколько раз, пока тот был одиноким, и использовать предлог помощи, чтобы оставаться рядом с ним.

Сухая и тёплая рука проникла под одеяло, коснулась его лба и вытащила его наружу.

Глаза Дуань Цзянцю покраснели, его глаза, похожие на персиковые цветы, были наполнены влагой, что заставляло замирать дыхание.

Мэн Яньчжан на секунду замер, а затем продолжил укладывать его:

— Не двигайся.

<http://bllate.org/book/16156/1447345>